

Е Цзин не согласился. Он лишь присел на край постели, похлопал его поверх одеяла и мягко, успокаивающе произнес:

— Ты ведь хочешь сказать о том, как той ночью сюда ворвались люди Благородной супруги Цзя, верно? Сильно перепугался? Старший брат обо всем знает. Я сам со всем разберусь, а ты сосредоточься на выздоровлении и ни о чем не беспокойся. Будь послушным.

Е Мяннь широко распахнул глаза и прошептал одними губами:

— Откуда ты знаешь?

Е Цзин не стал скрывать:

— От Князя Жуннань.

Е Мяннь округлил глаза еще сильнее. Е Цзин негромко усмехнулся и поспешил успокоить его:

— Не волнуйся, с ним все в порядке, и мы не подрались.

Е Мяннь выпростал руку и принялся писать пальцем на ладони Е Цзина:

— Мне не следовало брать то письмо от Цинь Ао. Я ведь доставил тебе неприятностей, да?

— В этом нет твоей вины, да и письмо на самом деле пустяковое, — Е Цзин похлопал его по руке. — Просто люди Благородной супруги Чжуан вообразили, будто там бог весть что, — два глупца, только перепугали тебя. Смерть для них — слишком мягкое наказание.

— Умерли? — испуганно вывел Е Мяннь на руке брата.

Е Цзин покачал головой. Поняв, о чем тот беспокоится, он с улыбкой ответил:

— Нет, живы. Но оказаться в руках Чжуан Сюя — тоже мало приятного. Его методы всегда отличались изощренной жестокостью.

Е Мяннь с облегчением выдохнул: главное — живы. И вывел новый вопрос:

— И что он с ними сделал?

— Один еще держится, а второй от страха лишился рассудка.

Е Мяннь опешил. Это как же нужно было напугать человека, чтобы тот сошел с ума?

Е Цзин покачал головой:

— В ночь на Праздник Чжунъюань он увез их двоих, бросил на кладбище для бездомных и заставил разойтись в разные стороны. Им велели обходить могилы по порядку и переписывать с надгробий имена покойников и даты их смерти — каждому по сто штук. При этом он пригрозил, что за каждую ошибку отрубит им по пальцу. Один из них не выдержал на середине и повредился умом.

Е Мяння передернуло. Вот, значит, что в понимании Чжуан Сюя означало «просто немного припугнуть».

На следующий день после того, как Е Мяннь пришел в себя, Е Цзин перевез его в Павильон

Бихуа, заявив, что сам присмотрит за младшим братом во время болезни. Госпожа Цю хоть и удивилась, но мешать не стала — для нее это был отличный повод навести порядок во Дворе Баофэн и проучить тамошних слуг.

Все эти дни Е Мянъ выпивал по три пиалы горького отвара в день, в полной мере прочувствовав на себе, как медленно, словно нить из кокона, тянется выздоровление. В эту эпоху без антибиотиков и капельниц любая простуда превращалась в сущую пытку.

Стоило опухולי в горле спастись и к нему вернулся голос, как Баонянь, улучив минуту, пока не было Инун — старшей служанки, присланной госпожой Цю, — со слезами на глазах поведала ему печальные новости. Оказалось, госпожа Цю приказала высечь Баосюэ и Баохэ, а затем выгнала обеих из поместья. Баосюэ родилась в семье потомственных слуг, так что ей было попроще, а вот Баохэ когда-то купили с улицы, и в усадьбе у нее была только названная мать. Теперь, оказавшись за воротами, она терпела страшные лишения.

Е Мянъ не на шутку встревожился. Все эти дни в Павильоне Бихуа он недоумевал, почему Баосюэ и Баохэ не приходят. Он расспрашивал Баюэ и остальных, но те лишь отговаривались, будто девушек наказали за плохой уход и оставили присматривать за двором. Е Мянъ и подумать не мог, что госпожа Цю разгневается настолько сильно.

Он прекрасно понимал, что служанки не виноваты в его болезни. Поэтому, когда госпожа Цю пришла навестить его, он попытался попросить вернуть их, но мать, которая обычно во всем ему потакала, в этот раз проявила твердость и наотрез отказалась уступить.

Поняв, что спорить бесполезно, Е Мянъ решил воззвать к помощи старшего брата.

Е Цзин чинно сидел за письменным столом, разбирая дела, пока Е Мянъ надоедливо гудел ему под ухо своим хриплым, как сорванная труба, голосом. Но старший брат оставался непреклонен и лишь когда совсем потерял терпение, бросил:

— Матушка лично наводит порядок в твоём дворе, и на то у нее есть веские причины. Перестань капризничать.

Е Мянъ угрюмо проворчал:

— Матушка не знает, что произошло той ночью, но ты-то ведь все знаешь! При чем тут девочки? С ними поступили несправедливо.

Е Цзин нахмурился:

— О какой несправедливости ты говоришь? Ночная прохлада так сурова, а они купали тебя и позволили сидеть на сквозняке у открытого окна — разве это правильно? — Он холодно хмыкнул: — Дисциплина в твоём дворе давно катилась ко всем чертям. Даже если бы матушка не вмешалась, я бы сам велел твоей невестке взяться за твоих слуг!

Видя, что брат начинает сердиться, Е Мянъ не решился спорить в открытую. Он лишь тихонько бубнил, топчась перед столом:

— Разве плохо, когда все устроено попроще? Нам и так хватает этих правил снаружи, так почему нельзя расслабиться хотя бы в собственном дворе? Что это вообще за жизнь такая?

С тех пор как госпожа Цю наказала Баосюэ и Баохэ и прислала для надзора старших служанок из главного дома, вся его челядь жила в постоянном страхе. Даже Баонянь, которая раньше то

и дело препиралась с ним, теперь ходила по струнке и боялась вымолвить лишнее слово.

Стоило ему сделать шаг, как на него устремлялись десятки глаз — все до смерти боялись, как бы с молодым господином снова чего не случилось и хозяйка главного дома не обрушила на них свой гнев.

Что бы Е Мянью ни говорил, Е Цзин не поднимал головы от документов, полностью игнорируя его, точно назойливого комара.

В конце концов терпение Е Мянью лопнуло. Он оперся обеими руками о стол и сердито уставился на брата:

— Брат, не доводи меня! Ты же знаешь, когда твой младший отбрасывает стыд, он способен на все!

Е Цзин наконец поднял взгляд, едва сдерживая усмешку.

— И что же ты сделаешь? — спросил он.

— Буду кататься по полу и устраивать истерику!

— О, — Е Цзин снова опустил голову к бумагам и равнодушно бросил: — Тогда катись.

Кто бы мог подумать, что Е Мянью действительно повалится на пол. Е Цзин опешил и уже собирался подняться, чтобы как следует проучить наглеца, но в этот момент в кабинет вошла Цзян Наньчу в сопровождении служанок, несших сладкий суп.

Выслушав сбивчивые объяснения слуги, Цзян Наньчу с укоризной указала пальцем на лежащего на полу деверя:

— Да ты еще упрямее и вздорнее, чем Цзян Бэйцинью! Живо вставай, пол же ледяной.

— У Цзян Бэйцинью есть старший брат-наследник, который в нем души не чает, а меня никто не любит! Не встану!

Служанки Цзян Наньчу опустили головы, изо всех сил стараясь сдержать смех.

Е Цзин закатал рукава и поднялся из-за стола:

— Отлично! Сейчас я тебя «полюблю».

Поняв, что брат наконец оторвался от дел, Е Мянью проворно вскочил на ноги и тут же мертвой хваткой вцепился в его руку, жалобно запричитав:

— Брат, ну отложи ты свои бумаги, выслушай меня сначала...

Е Цзин со вздохом потер переносицу, слушая его нытье. В конце концов, не выдержав этого натиска, он бросил многозначительный взгляд на Цзян Наньчу.

Цзян Наньчу шутливо погрозила Е Мянью пальцем:

— Ладно, я сама схожу к матушке и поговорю с ней. Но учти: даже если их вернут, их понизят в должности, и прислуживать тебе лично они больше не будут. И чтобы никаких капризов!

Е Мянью поспешно закивал.

Е Цзин брезгливо оттолкнул его:

— Отойди, весь испачкался, не липни ко мне.

Е Мянью поспешил поскорее убраться подальше.

Болезнь свалила Е Мянью внезапно и тяжело. Несколько дней он не мог даже подняться с постели, из-за чего ему пришлось взять еще несколько дней освобождения от занятий в Императорской академии Гоцзысюэ. Последние дни его болезни как раз совпали с плановыми выходными. Он надеялся, что сможет выбраться с друзьями за город и развеяться, пока стоит погожая осенняя погода. За то время, что брат держал его взаперти в Павильоне Бихуа, он едва не изныл от скуки.

Но, к его удивлению, Ци Е опередил его и сам прислал приглашение, позвав также Вэй Анъюаня и Ли Чжао. Е Мянью с радостью согласился.

Погода стояла чудесная. Осеннее солнце светило ярко, но уже не пекло, приятно согревая своими лучами. Решив, что в экипаже будет слишком душно, друзья поехали верхом и менее чем через час добрались до загородного поместья.

Когда Е Мянью с остальными приехали, Ци Е уже ждал их. Рядом с ним стоял молодой человек на вид на несколько лет старше их.

Ци Е отвел гостей в Беседку Ветра, со всех сторон окруженную водой, где уже ломился от яств накрытый стол. Беспечно приобняв своего спутника за плечи, Ци Е спросил Е Мянью:

— Мянью-гэ, помнишь его?

— Хм? — Е Мянью пристально взгляделся в лицо незнакомца. Тот выглядел совершенно заурядно.  
— Нет, не помню.

Е Мянью виновато покачал головой. Ци Е громко расхохотался. Незнакомец оказался человеком простым и открытым, он тоже с улыбкой произнес:

— Мы виделись всего раз, так что нет ничего удивительного в том, что молодой господин Е меня не помнит.

Ли Чжао запустил в Ци Е дикой сливой и поторопил:

— Давай представляй его быстрее, мы ждем, когда можно будет сесть за стол.

— Помните, когда вы с Анъюанем приходили навещать меня в Павильон Синсы? Он стоял на коленях прямо рядом со мной, — объяснил Ци Е.

Все тут же вспомнили. Так это и был тот самый старший брат-ученик ступени Кунь, который в прошлый раз ввязался вместе с Ци Е в драку с воспитанниками Военной академии Бинвуцзянь?

Молодой человек почтительно сложил ладони:

— Меня зовут Дин Хуай. На самом деле это я попросил Ци Е собрать вас всех здесь сегодня...

Выслушав длинные объяснения Дин Хуая, Е Мянью наконец все понял. Оказалось, после той

памятной драки ученики Военной академии Бинвуцзянь затаили на них обиду. И если Ци Е, принявший на себя основной удар, быстро отделался благодаря тому, что ребята уладили дело с Цинь Ао, то Дин Хуаю в последнее время пришлось несладко — воспитанники академии изводили его как могли.

Но несколько дней назад ребята вместе с Ци Е от лица Императорской академии Гоцзысюэ заключили мир с Цинь Ао и его товарищами, после чего те оставили Дин Хуая в покое. В знак благодарности он и попросил Ци Е устроить эту встречу, чтобы угостить их обедом.

<http://bllate.org/book/18289/1753886>